

РАБОЧАЯ ОППОЗИЦИЯ

Александра Коллонтай

Что такое «рабочая оппозиция»?

Что такое «рабочая оппозиция»? Надо ли в интересах нашей партии и мировой рабочей революции приветствовать ее существование или, наоборот – это явление вредное, разлагающее партию, «политически опасное», как в одной своей речи во время дискуссии по профсоюзам недавно сказал тов. Троцкий?

Чтобы ответить на эти вопросы, которые занимают и тревожат многих наших товарищей, рабочих и работниц, надо прежде всего выяснить: во-первых, кто входит в рабочую оппозицию и как она сложилась? Во-вторых, в чем корень разногласия между руководящими товарищами наших партийных центров и рабочей оппозиции?

Очень характерно. И на это нельзя не обратить внимание наших центров, что в оппозицию входит передовая часть классово организованных пролетариев, коммунистов. Оппозиция состоит почти исключительно из профессионалистов, как показывают и подписи сторонников оппозиции под тезисами о роли производственных союзов. Кто такие профессионалисты? Рабочие, та часть передового авангарда русского пролетариата, которая на своих плечах вынесла все трудности революционной борьбы и не расплылась по советским учреждениям, утратив связь с рабочими массами, а осталась с ней связанною. Быть профессионалистом, сохранить крепкую живую связь со своим союзом, а значит. И с рабочими своего производства за эти бурные годы, когда центр общественной и политической жизни был перенесен за пределы союзов, – это дело не легкое и не простое. Пенные волны революции подхватили и далеко увлекли от профсоюза лучшие, сильные и деятельные элементы промышленного пролетариата, раскидав кого на фронт, кого в советские учреждения, посадив третьих за столы с зеленым канцелярским сукном и груды «исходящих бумаг», «смет» и «предложений».

Профсоюзы обезлюдели. И только крепче всего пропитанные классовым пролетарским духом рабочие, настоящий цвет восходящего революционного класса, кого бессильна была развратить «власть», мелкое тщеславие, погоня за

«советской карьерой» или советский бюрократизм, – остались внутренне связанными с массами, с рабочими, с теми самыми «низами», из которых они сами вышли и органическую связь с которыми не вытравивали никакие «высокие» советские посты. Как только полегчало на военном фронте, и маятник жизни качнулся в сторону хозяйственного строительства, так эти типичные, неискоренимые по духу пролетарии, самые яркие и устойчивые представители своего класса поспешили сбросить «френчи», кожаные тужурки и отложить на стол папки «исходящих и входящих» бумаг, чтобы отозваться на молчаливый призыв своих братьев по классу, фабричных и заводских рабочих, миллионов русских пролетариев, влачащих и в советской трудовой России каторжное позорно-жалкое существование... Классовым чутьем поняли эти товарищи, стоящие во главе «рабочей оппозиции», что дело не ладно. Что за три года революции мы, правда, построили советские аппараты и утвердили принцип рабоче-крестьянской трудовой республики, но что сам рабочий класс как *класс*, как единая нераспыленная социальная единица с едиными однородными классовыми запросами, а следовательно, и *однородной, выдержанной, четко-ясной политикой* играет все меньшую роль в Советской Республике, все слабее окрашивает мероприятия своего же правительства, все менее руководит политикой и влияние на работу и направление мысли центральных органов власти. В первоначальный период революции кто стал бы говорить о «верхах» и «низах»? Массы, именно рабочие массы и партийные руководящие центры – слились воедино. Те запросы, что в низах рождала жизнь и борьба, находили свое более точное выражение, более четкую и научно обоснованную формулировку в руководящих партийных центрах. Противоположения верхов и низов не было и быть не могло. Сейчас оно есть, и никакой агитацией и никакими мерами «запугивания» не изгонишь из сознания широких масс образования характерного нового «социального слоя» – советско-партийных верхов.

Профессионалисты – существующее ядро рабочей оппозиции – это поняли, вернее, почуяли здоровым классовым инстинктом. Первое, что они сделали – это связаться с низами, войти в свой классовый орган – профсоюз; орган, который всего меньше подвергся за эти три года разлагающему влиянию скрецающихся, посторонних, не пролетарских интересов (крестьянства и приспособившихся к советскому строю буржуазных элементов), уродующих

наши советские учреждения и уводящих нашу политику из четкого классового русла в болото «приспособленчества»...

Итак, рабочая оппозиция – это прежде всего пролетарии, связанные со станком или шахтой, плоть от плоти рабочего класса.

Рабочая оппозиция удивительна тем, что у ней нет крупных, выдающихся личностей, то, что принято называть «вождями». Она родилась, как всякое здоровое, неизбежное, классово обоснованное движение, из недр широких рабочих низов, зарождаясь и пуская сразу глубокие корни во всех концах Советской России, куда слух об оппозиции еще не успел долететь.

«У нас понятия не имели о том, что в Москве идут разногласия и дискуссии о роли профсоюзов, – говорил делегат из Сибири на съезде горнорабочих, – а нас уже волновали те же вопросы, что стоят перед вами». За рабочей оппозицией стоят пролетарские массы, или точнее: рабочая оппозиция – это классово спаянная, классово сознательная и классово выдержанная часть нашего промышленного пролетариата, которая считает, что нельзя подменить великую творческую силу пролетариата в деле строительства коммунистического хозяйства формальной вывеской диктатуры рабочего класса.

Чем выше подняться по лестнице советских и партийных «постов», тем меньше приверженцев оппозиции. Чем глубже уйти в массы, тем больше отклика находит платформа рабочей оппозиции¹. Это характерно, это знаменательно, это следует учесть руководящим центрам нашей партии. Если массы уходят от «верхов», если образуется брешь, трещина между руководящими центрами и низами, – значит, в верхах не все благополучно, особенно тогда, когда массы не молчат, а мыслят, выступают, защищаются, отстаивают свои «лозунги». Верхи могут увести массу с прямого пути истории, ведущей к победе коммунизма только тогда, когда масса молчит, подчиняется, следует пассивно и доверчиво за вождями. Так было в 1914 г. при начале мировой войны, когда рабочие поверили вождям и решили: «Они лучше нас знают пути истории. Инстинктивное чувство протеста против войны нас обманывает, надо молчать, подавить его и слушаться старших». Но когда масса волнуется, шевелит мозгами, *когда она упрямо голосует против любимых вождей*, часто подавляя чувство личной симпатии к ним, – тогда дело

¹ Пример – голосование платформ: комитетчики, верхи – за одну из платформ партии верхов, низы, массы коммунистов, рабочие – за рабочую оппозицию.

становится серьезным. И тогда задача партии не замалчивать разногласия, не обзывать оппозицию необоснованными, ничего не объясняющими кличками, а серьезно вдуматься в вопрос, где же, в чем корень разногласия, чего хочет рабочий класс, носитель коммунизма и его единственный творец...

Итак, рабочая оппозиция – это передовая часть пролетариата, не порвавшая живой связи с организованными в союзы рабочими массами и не расплывшаяся по советским учреждениям.

Корень разногласий

Раньше, чем разобраться, в чем корень расхождения «рабочей оппозиции» с официальной точкой зрения наших руководящих центров, надо твердо запомнить два факта: прежде всего, что рабочая оппозиция родилась из недр промышленного пролетариата Советской России, что ее взрастили не только каторжные условия жизни и труда семимиллионного промышленного пролетариата, но и ряд отклонений, качаний, противоречий и прямо уклонений нашей советской политики от четких, ясных, классово выдержанных принципов коммунистической программы.

Во-вторых, что оппозиция не угнездилась одном каком-либо центре, не явилась плодом личных раздоров и несогласий, а широко разлилась по всей Советской Республике, дружным ответным эхом со всех концов России откликаясь на каждую попытку товарищей рабочих сформулировать, выразить, оформить корень разногласий и определить: чего же хочет рабочая оппозиция.

Сейчас создается впечатление, будто весь корень расхождений «рабочей оппозиции» с многочисленными течениями верхов заключается исключительно в различном понимании задач и роли профсоюзов. Это не верно. Расхождения глубже. Представители оппозиции не всегда умеют их ясно выразить и точно установить, но стоит затронуть ряд вопросов строительства нашей, республики, и разногласия выявятся сразу по ряду основных положений хозяйственного и политического характера.

Впервые две точки зрения руководящих верхов нашей партии и представителей классового организованного в союзы пролетариата сказались на IX съезде партии по вопросу о «единоличии» и «коллегиальности». Оппозиции еще не было как сформированной группы, но характерно, что за «коллегиальность» выступили представители профсоюзов, т. е. чисто

классовых по составу организаций, против высказывались руководящие верхи партии, привыкшие расценить все явления под углом зрения советско-ведомственной политики, требующей изоциренного умения приспособиться к социально неоднородным, подчас политически противоречащим друг другу запросам различных социальных групп населения (пролетариата, мелких собственников – крестьян и буржуазии в лице спецов и лжеспцов всех видов и формаций).

Почему именно профсоюзы упрямо, не умея подкреплять свои доводы научно обоснованными положениями, стояли за «коллегиальность», а защитники «спецов» одновременно отстаивали «единоличие»? Да именно потому, что в этом споре (хотя обе стороны и отрицали «принципиально» значение вопроса) [столкнулись] по существу две исторические, непримиримые точки зрения. Единоличие – есть плоть от плоти индивидуалистического (т. е. из себя самого исходящего) мировоззрения буржуазного класса. Единоличие, т. е. оторванная от коллектив, «свободная», изолированная воля человека, проявляющаяся во всех областях – начиная от утверждения самодержавного главы государства и кончая самодержавием директора завода, – это высшая мудрость буржуазного мышления. Буржуазия не верит в силу коллектива. Она любит лишь «сколотить массу в послушное стадо» и по своей единоличной воле погонять это стадо туда, куда найдет нужным руководитель.

Рабочий класс и его идеологи, наоборот, знают, что новые коммунистические задачи класса осуществимы лишь путем коллективного совместного творчества, общих усилий самих рабочих. Тем теснее будет рабочий коллектив, чем больше воспитаны будут массы в духе проявлений своей общей коллективной воли и общей мысли, тем полнее и скорее класс осуществит свою задачу, т. е. создаст новое, не распыленное, а единое, гармонически спаянное коммунистическое хозяйство. *Только тот, кто практически связан с производством, может внести в него оживляющие новинки.* Отказ от принципа, именно от принципа коллективность в управлении производством – был уступкой момента со стороны нашей партии, приспособленчество, уклонение от той частицы классовой линии, которую мы так страстно утверждали и отстаивали в первый период революции.

Почему это произошло? Как случилось, что наша выдержанная, закаленная в бою революции партия позволила увлечь себя с прямого классового пути и

начать колесить по тропинкам столь ненавистного ей же и так ею же заклеянного «приспособленчества»?

На это мы ответим ниже, пока же перейдем к вопросу о том, как образовалась и развилась «рабочая оппозиция».

Девятый съезд был весной. Летом оппозиция ничем себя не проявляла. Не было слышно о ней ни на бурных дебатах о профсоюзах во время II съезда Коминтерна. Но глубоко по низам шла своя работа накопления опыта и критической мысли. Эта работа нашла свое еще далеко не законченное проявление на партийной конференции сентября 20-го года. Пока еще мысль бродила в области отрицания, критики. Не было своих оформленных положительных предложений. Но уже ясно было, что партия вступает в новую полосу, что в ней идет брожение, что «низы» требуют «свободы критики» и заявляют громогласно о том, что бюрократизм их душит, не дает простору для живой деятельности, для проявления инициативы.

Руководящие партийные верхи учли начавшееся брожение и, в лице тов. Зиновьева, надавали много словесных обещаний о свободе критики, о расширении самостоятельности масс, о необходимости бороться с вредными уклонами бюрократизма и о строгом преследовании всех верхов, отступающих от принципа демократии... Сказано было много и изрядно хорошо. Но от слов до дела дистанция изрядная. Конференция сентябрьская, вместе с многообещающей речью Зиновьева, ничего не изменила ни в партии, ни в жизни широких рабочих масс. Корень, питающий ростки оппозиции, не был уничтожен. В низах шло, нарастая, глухое недовольство, критика, работа мысли.

Это глухое брожение докатывалось до руководящих верхов, плодя и там неожиданно обострившиеся разногласия. И характерно, что в центральных руководящих кругах нашей партии разногласия обозначились со всей остротой именно по вопросу о роли профсоюзов. Это и естественно.

Сейчас этот пункт расхождения оппозиции и верхов партии, не являясь единственным, все же составляет при данном положении вещей центральный вопрос всей нашей внутренней политики.

Раньше, чем рабочая оппозиция со своими тезисами и оформила те основы, на которых, по ее мнению, должна покоиться диктатура пролетариата в области организации производства, руководящие верхи еще резко разошлись в своей оценке роли классовых рабочих организаций при воссоздании

производства на новых коммунистических началах. ЦК партии разбился на группы, тов. Ленин против Троцкого с Бухариным как буфером посередине.

Только на VIII съезде Советов и непосредственно после выяснилось со всей очевидностью, что внутри партии имеется сплоченная группа, объединяемая, прежде всего, вокруг тезисов о задачах профсоюзов, и что оппозиция эта, не имея ни одного крупного теоретика-лидера, встречая самый резкий отпор со стороны наиболее популярных вождей партии, растет и крепнет, а главное, стелится и стелится по трудовой России... Если бы она гнездилась только в Москве и Петрограде. Но нет, уже с Донбасса, с Урала, из Сибири и ряда промышленных центров в ЦК нашей партии летят донесения, что и там *«образуется и действует рабочая оппозиция»*. Правда, оппозиция эта далеко не всюду выявляет себя на тех же пунктах, на которых сходятся рабочие столицы Советской Республики; порою в проявлениях, требованиях и мотивировках оппозиции много еще неясного, сумбурного, мелочного, тогда как основные пункты упущены, но одно остается неизменным – это вопрос о том: *кому осуществлять творчество диктатуры пролетариата в области хозяйственного строительства?* Органам ли классовым по составу, непосредственно, жизненными нитями связанным с производством, т. е. производственным союзом или же советским аппаратом, оторванным от непосредственной, живой хозяйственно-производительной деятельности, к тому же смешанным по своему социальному составу? В этом корень расхождения. Рабочая оппозиция стоит за первое. Верхи нашей партии, как бы ни разошлись их тезисы в отдельных менее существенных пунктах, в трогательном единении стоят за второе.

Что же это показывает?

Это показывает, что партия наша переживает свой первый серьезный кризис за время революции, и что от оппозиции надо не отмахиваться дешевыми словечками вроде «синдикализма», а надо всем товарищам призадуматься: чем вызван этот кризис? И на чьей стороне классовая истина – на стороне ли руководящих органов или на стороне здоровых классовым чутьем рабочих, пролетарских масс?

Кризис партии

Прежде чем рассмотреть основные пункты разногласий между руководящими верхами нашей партии и *рабочей оппозицией*, приходится искать ответа на вопрос о том, как могло случиться, что наша партия, боевая, стойкая, могучая и непобедимая именно своей твердой и ясной классовой линией, может начать уклоняться от этой выдержанной линии.

Чем дороже нам коммунистическая партия, сделавшая такой решительный шаг вперед по пути освобождения рабочих от ига капитала, тем меньше имеем мы права закрывать глаза на ошибки руководящих ее кругов.

Сила нашей партии заключалась и должна и впредь заключаться в том, что руководящие ее центры чутким ухом улавливают назревшие запросы и задачи, объединяющие между собой рабочих, и, уловив эти запросы, умели их направить так, чтобы через них толкнуть массы на завоевание еще одной исторической позиции. Так было. Но сейчас этого нет. Наша партия не только замедляет свой стремительный бег в будущее, но все чаще «благоразумно» оглядывается назад: а не забежали ли мы слишком вперед? Не пора ли приостановиться? Не разумнее ли стать поосторожней, избегая смелых, еще не виданных в истории опытов?

Чем же вызвана эта «мудрая осторожность» (особенно ясно проглядывающая в недоверии руководящих верхов партии к хозяйственно-производственным способностям рабочих союзов), которая за последнее время обуяла наши центры? Где причина?

Если мы посмотрим повнимательнее на причину, порождающую расхождение в нашей партии, то убедимся, что тот кризис внутри партии, какой сейчас имеется налицо, вызван *тремя основными причинами*.

Первая, главная, основная причина, – это те тяжелые исторические условия, в которых нашей партии приходится работать и действовать. РКП принуждена строить коммунизм и воплощать в жизнь программу партии: 1) в обстановке полного развала и разорения народного хозяйства; 2) при неослабевающем в течение трех лет революции натиске империалистических держав и белогвардейщины; 3) рабочему классу в России выпало на долю воплощать коммунизм, строить новые, коммунистические формы хозяйства в стране экономически отсталой, с преобладающим крестьянским населением, где не имеются еще налицо все экономические предпосылки (условия) для обобществления и централизации народного хозяйства и в которой капитализм не успел еще завершить полного курса своего развития (от неограниченной

борьбы конкуренций первоначальных ступеней капитализма к высшей его форме – регулировке производства через хозяйские союзы – синдикаты, тресты).

Естественно, что все явления тормозят практическое осуществление нашей программы (особенно в основной ее части – строительства народного хозяйства на новых принципах) и вместе с тем вносят *пестроту влияний*, отсутствие единства в нашу советскую экономическую политику.

Из этой основной причины вытекают и две последующие. Прежде всего экономическая отсталость России и преобладание в ней крестьянства создает ту пестроту и неизбежно отклоняет в жизненной практике политику партии от ее твердо выдержанной *в принципе, в теории линии*. Партии, стоящей во главе смешанного по социальному составу советского государства, приходится волей неволей считаться и с запросами «хозяйственного мужичка», с его мелкособственническими замашками и отвращением к коммунизму, и с многочисленным слоем мелкобуржуазных элементов прежней, капиталистической России, всяких скупщиков, посредников, мелких торговцев, приказчиков, хозяйчиков, ремесленников и мелких чиновников, которые быстро приспособились к советским органам. Это они-то, главным образом, и заполняют советские учреждения, являясь «агентами» Наркомпрода, заведующими снабжениями армии, юркими «практиками» в различных главках и центрах. Недаром нарком продовольствия Цюрупа на фракции VIII съезда привел такие характерные цифры, что в продовольствии занято 17 % рабочих, 13 % крестьян, менее двадцати процентов спецов, а остальные пятьдесят с лишним процентов – это бывшие «ремесленники, приказчики» и т. д. и «мелкий люд», в большинстве даже безграмотный (слова тов. Цюрупы), и что, по его мнению, служит гарантией их демократического происхождения, но ничего общего не имеющих с классовым пролетариатом, с производителями ценностей, с фабрично-заводскими рабочими.

Именно этот слой, широко разлитый по советским учреждениям, слой мелкой буржуазии, мещанства с его враждебностью к коммунизму, приверженностью к косным нравам прошлого, с отвращением и страхом к революционным действиям, и разлагает наши советские учреждения, внося туда дух, *совершенно чуждый рабочему классу*. Это два мира, и мира враждебных. А мы в Советской России принуждены убеждать и себя, весь рабочий класс, что мелкая буржуазия, мещанство (не говоря уже о

крестьянстве в образе хозяйственного и трудолюбивого среднего) великолепно могут ужиться под общей вывеской «вся власть советам», забывая, что именно в ежедневной практике жизни интересы рабочих и пропитанного мелкобуржуазной психологией мещанства и крестьян неизбежно сталкиваются, дергая советскую политику в разные стороны и искажая ее классовую четкость.

Помимо мужичка-хозяина в деревне и помимо мещанского (не рабочего, а именно мещанского) элемента в городе, нашей партии в ее советской государственной политике приходится считаться еще с влиянием представителей крупной буржуазии в лице спецов-техников, инженеров, бывших воротил финансово-промышленного мира, всем своим прошлым связанных с капиталистической системой производства, не умеющих представить себе форм производства вне привычных для них рамок капиталистического хозяйства. Чем больше Советская Россия нуждается в специалистах в области техники и руководства промышленностью, тем сильнее влияние этих чуждых рабочему классу элементов на ход и развитие форм и типа нашего хозяйства. Отброшенные в сторону в первоначальный период революции, занимая [в] самые трудные месяцы нашей революции, выжидательно, а то и открыто враждебную к советской власти позицию (исторический «саботаж» интеллигенции), эта социальная группа крупных воротил капиталистического производства, послушных, наемных, великолепно оплачиваемых слуг капитала, с каждым днем приобретает все большее влияние и значение в политике².

Нужны ли имена? Каждый товарищ-рабочий, следящий за нашей внутренней и внешней политикой, сам вспомнит не одно такое лицо...

Пока центр нашей жизни составлял военный фронт, влияние этих господ, этого чуждого рабочему классу элемента на правление нашей советской политики, особенно в области строительства хозяйства, было сравнительно ничтожно.

«Спецы», выходцы [из] прошлого, всем нутром своим тесно и неразрывно связанные с упраздняемым нами буржуазным строем, вкрапливались и в нашу Красную Армию, внося сюда свой дух прошлого (чинопочитание, «нашивки», отличия, слепую субординацию, вместо классовой дисциплины произвол бывших начальников и т. д.), но на общую политическую линию Советской

² Рабочая оппозиция нигде и никогда не отрицала «использования» специал[истов] техники, науки. Но использовать – это одно, [а] дать им власть – другое.

Республики их влияние не распространялось. Пролетариат не оспаривал их руководство в военном деле, здоровым инстинктом класса чувствуя, что в военном деле рабочий класс как класс не может сказать нового слова, бессилён внести коренные изменения системы милитаризма, пересоздать ее сущность на новых классовых началах. Милитаризм военщины – порождение пройденных человечеством ступеней развития; милитаризму, военщине, войнам – не будет места в коммунистическом обществе. Борьба пойдет по иной линии, выльется в совершенно иные формы, недоступные нашему воображению. Милитаризм доживает свой век в переходную эпоху диктатуры, и потому естественно, что *творческого*, классово нового, кладущего в основу для будущего развития общества рабочие как класс не могли принести в милитаризм, его формы и систему. Есть и в Красной Армии блески творчества класса, но суть военщины осталась прежняя, и руководство выходцев из прошлых офицеров и генералов прежней армии не настолько отклоняло советскую политику в военном деле в чуждую нам сторону, чтобы рабочие могли ощущать в этом смысле явный ущерб для себя, т. е. для класса и его основных задач.

Не то в области народного хозяйства. Производств – его организация; это и есть суть коммунизма. Отдалить рабочих от организации производства, лишить их, т. е. производственные организации – эти выразители классовой группировки пролетариата – возможности вносить свое творчество в производство, в организацию новых форм хозяйства, доверяясь «умению» специалистов, выдрессированных и подготовленных для ведения хозяйства при господстве совершенно иной системы производства. – это значит соскочить с рельс[ов] научно-марксистского мышления. Но как раз то и делается сейчас верхами нашей партии. Учитывая всю катастрофичность нашего хозяйства, все еще построенного на капиталистической системе (плата за труд деньгами, тарифы, категории труда и т. д.), верхи нашей партии в припадке безверия в творческие силы рабочих коллективов ищут спасения от хозяйственной неурядицы – у кого? У выходцев из буржуазно-капиталистического прошлого, у дельцов и техников, творческие способности которых как раз в области хозяйства засорены рутиной, навыками, приемами капиталистического способа ведения производства и хозяйства. Это они-то и вносят смехотворно-наивную веру в то, что коммунизм можно насадить бюрократическим способом. Там, где еще надо искать и «творить», они уже «предписывают»...

Чем больше фронт военный отступает перед фронтом хозяйственным на второй план и чем острее и мучительнее наша нужда, тем устойчивее становится влияние той группы населения, которая не только внутренне чужда коммунизму, враждебна ему органически, но и абсолютно бессильна проявить живое творчество в области отыскания новых форм организации труда, новых двигателей для поднятия интенсивности труда, новых приемов сочетания *производства и потребления*. Все эти техники, практики, деловые люди, которые выплывают на поверхность советской жизни, начиная накладывать руку на хозяйственно-производственную политику, оказывают свое давление на верхи нашей партии через советские органы и внутри этих органов.

Партия оказывается в тяжелом и затруднительном положении, ей приходится в процессе управления советским государством прислушиваться и приспособляться к трем разнородным по социальному составу, а значит, и экономически разнородным по своим интересам группам населения. С одной стороны, пролетариат. Пролетариат требует наибольшей чистоты и бескомпромиссности политики, спешного, форсированного марша на коммунизм. С другой стороны, крестьянство с его мелкособственническими поползновениями, симпатией ко всякого рода «свободам», и прежде всего, свободе торговли и невмешательству государства в его хозяйские дела. К крестьянству примыкает мещанин в виде «агента» советских служащих, снабженцев армии и т. д., приспособившихся к советскому строю, но по своей психологии извращающих нашу политику в сторону мелкобуржуазных тенденций.

Но центр эти мелкобуржуазные элементы оказывают меньше влияния, но на местах, в провинции и в низах советской работы – влияние их огромно и злобно. Наконец, третья группа населения – это люди практики, бывшие воротилы при капиталистическом строе. Это не магнаты капитала, разумеется, не Рябушинские и Бубликовы, от которых очистилась трудреспублика еще в первый период революции, но это бывшие самые талантливые слуги капиталистической системы производства, «мозг и гений» капитализма, его истинные творцы и оплодотворители. Весьма одобряя централистские тенденции советской политики в области хозяйства, учитывая всю пользу третирувания и регулировки производства (этим же занимается капитал и в наиболее промышленно развитых буржуазных государствах), они хлопочут лишь об одном: чтобы вся эта «регулировка» шла не через рабочие органы

(производственные союзы), а через их руки под фирмой советских хозяйственных аппаратов, главков, центров, Совета Народного Хозяйства, где они пустили уже достаточно прочные корни. Влияние этих господ на «трезвую» государственную политику наших верхов большое, значительно большее, чем это желательно. Влияние их сказывается и в линии утверждения и отстаивания *системы* бюрократизма (с уступками в сторону «улучшения», но не изменения самой системы). Оно ощущается особенно наглядно в области налаживания торговых сношений с капиталистическими державами, сношениями, идущими через головы как русского, так и иностранного организованного капитала. Оно сказывается в ряде мероприятий, урезающих самостоятельность масс и утверждающих руководство выходцев из мира капиталистического прошлого.

Среди всех этих разнородных групп населения нашей партии приходится лавировать, находя равнодействующую в политике, которая не нарушала бы единства государственных интересов. Отчетливая классовая политика нашей партии в процессе отождествления себя с советским государственным аппаратом превращается все более и более в ту надклассовую политику, которая есть не что иное, как «приспособление» руководящих органов к разнородным и противоречивым интересам социально разнородного, смешанного состава населения. Это приспособление ведет к неизбежным шатаниям, к неустойчивости, к уклонам и ошибкам. Достаточно припомнить зигзагообразный путь нашей политики по отношению к крестьянству, приведший нас от курса «на бедняка» к курсу на «хозяйственного трудолюбивого мужичка-собственника». Пусть этот курс политики свидетельствует о «политической трезвости» и «государственной мудрости» наших руководящих верхов, но историк, беспристрастно оценивающий ступени нашего господства, учет и укажет, что вот тут-то уже сказался «опасный уклон» от классовой линии, чреватая последствиями тенденция к «приспособленчеству», к лавированию...

Или вопрос о внешней торговле. Тут несомненная двойственность в нашей политике, о чем свидетельствуют и непрекращающиеся трения между Коминтерном и Внешторгом. Трения эти носят не только ведомственный характер – они глубже, и если бы эта закулисная работа руководящих органов была вынесена на суд низов, кто знает, во что бы вылились разногласия,

отделяющие друг от друга народный комиссариат индел от торговых представителей республики за границей.

Скрытые от низов ведомственные, но по существу социально более глубокие трения, необходимость советской политики приспособляться к трем разнородным социальным группировкам населения (рабочим, крестьянам и представителям прежней буржуазии) порождает *вторую причину, вызывающую кризис в нашей партии*. И пройти мимо этой причины никак нельзя. Она слишком характерна, слишком чревата возможностями. Долг верхов партии в интересах жизнеспособности и единства партии вдуматься в эту причину и извлечь необходимый урок из порождаемого ею широко расстилающего[ся] по низам недовольства.

Пока рабочий класс в первичную эпоху революции ощущал себя единственным носителем коммунизма – единство в партии было полное. Не могло быть речи о верхах и низах в пооктябрьские дни, когда передовой слой пролетариата спешно осуществлял и закреплял один за другим пункты нашей классовой, коммунистической программы. Крестьянин, получивший землю, еще не осознал себя частью и полноправным гражданином совреспублики. Интеллигенция, специалисты, деловые люди и все мещанство, лжеспецы, постепенно пробирающиеся все выше и выше по ступеням советской лестницы под видом «спецов», выжидательно сторонились, давая простор творчеству передовых рабочих масс.

Теперь наоборот; рабочий чувствует, видит, ощущает на каждом шагу, что «спецы», а еще хуже – неграмотные и вовсе не вышколенные лжеспецы, «люди практики» выталкивают «серого» рабочего за негодность и непригодность к практической сметке и заполняют собою основные руководящие хозяйственно-производственные органы. А партия, вместо того, чтобы осадить этот чуждый рабочему классу и коммунизму элемент, потворствует им, ищет не у рабочих организаций, а именно у них спасения и избавления от хозяйственной неурядицы. Не рабочим, не союзным, классовым объединениям, а им дарит партия свое доверие. Рабочие массы это чувствуют; и вместо слитности, единства партии и класса получается брешь, не тождество, а разъединение... Массы не слепы. Какими бы словами популярнейшие вожди рабочих ни прикрывали своего отступления от четко классовой политики, своих уступок то «мужичку», то мировому капитализму, – в доверии, оказываемом ученикам капиталистической системы производства, мысы чуют,

где начинается отступление. Рабочие могут питать самую горячую преданность и любовь к личности тов. Ленина, могут восхищаться великолепным, несравненным ораторским талантом тов. Троцкого и его организаторскими способностями, могут чтить ряд других вождей как личностей, персонально, но, когда масса чувствует недоверие к себе, к творчеству класса, она, естественно, говорит: нет, стой! Далее мы слепо не идем за вами. Давайте разберем положение. Ваша политика, выбирающая равнодействующую между тремя социальными группами населения, весьма мудрая политика. Но она пахнет старым знакомым приспособленчеством, оппортунизмом. Для сегодняшнего дня мы, быть может, с помощью подобной «трезвой политики» что-нибудь и выиграем, но как бы мы не попали на ложную дорогу, которая своими поворотами да зигзагами незаметно не увела бы от будущего в дебри прошлого... Недоверие класса к руководящим верхам растет, и чем эти верхи трезвее, чем больше из них вырабатываются опытные «государственные мужи» с их политикой, скользящей на лезвии ножа между коммунизмом и уступками буржуазному прошлому, тем глубже пропасть между «верхами» и «низами», тем меньше понимания и тем болезненнее и неизбежнее кризис внутри партии.

Третья причина, объединяющая [sic] внутрипартийный кризис, – это то, что реально, на деле, практически за эти три года революции экономическое и бытовое положение широких рабочих масс, производителей, фабрично-заводского люда не только не улучшилось, но стало тяжелее. Этого никто из руководящих верхов партии не отрицает. Глухое, но широко разлитое недовольство рабочих (заметьте, *рабочих*) имеет под собою реальную почву.

От революции непосредственно выиграло крестьянство; к новым формам советской системы и жизни прекрасно приспособилось не только мещанство, но и представители крупной буржуазии, занявшие ответственные и руководящие посты в советских органах (в особенности, в области управления хозяйством), промышленностью или налаживанием торговых отношений с капиталистическим западом [sic]. Один только основной класс советской республики, выносящий на своих плечах всю тяжесть ответственности периода диктатуры, в массе своей влачит позорно жалкое существование.

Трудовая республика, управляемая коммунистами, этим «авангардом» рабочего класса, который, по словам тов. Ленина, «вобрал в себя революционную энергию класса, не удосужилась поразмыслить о том, чтобы поставить не отдельные, случайно вынырнувшие перед совнаркомом ударные

предприятия и отрасли промышленности в особо благоприятные условия, а массы, широкие массы рабочих и работниц – в сколько-нибудь человеческие условия существования.

Наркомтруд – самый мертвый из всех наших комиссариатов. В советской политике серьезно, во всероссийском масштабе, не ставился и не обсуждался вопрос: что же надо и можно сделать при современной тяжелой хозяйственной разрухе, учитывая все неблагоприятные внешние условия, для того, чтобы изменить *быт рабочего к лучшему*, чтобы *сберечь* его трудовую силу для производства, чтобы поставить труд рабочего в мастерской в сколько-нибудь приемлемые условия? Советская политика отличалась до самого последнего времени отсутствием какой бы то ни было политической линии, какого бы то ни было продуманного и намеченного плана в области *организации быта рабочих и улучшений условий труда*. Все, что делалось в этой области, делалось случайно, урывками, местной властью, под давлением самих масс.

Пролетариат героически в эти три года гражданской войны нес неисчислимые жертвы революции. Он терпеливо ждал. Но теперь, на переломе событий, когда нерв жизни республики перенесен на хозяйственный фронт, массовый рабочий считает излишним «терпеть» и «выжидать». Как? Разве не он строитель жизни на коммунистических началах? Так возьмемся же за это строительство сами, благо мы лучше «господ из главков» знаем, где у нас болит...

Массовик-рабочий присматривается. Он видит, что до сих пор вопросу гигиены, санитарии, улучшению условий труда в мастерских, охраны здоровья рабочего и работницы, другими словами, организации быта и улучшению условий труда в нашей политике отводится последнее место. Далее вселения рабочих семейств в неудобные и неприспособленные для них буржуазные квартиры мы не пошли в разрешении жилищного вопроса и, что хуже, до сих пор не приступили к практической разработке плана реорганизации жилищ. К стыду нашему, не только в глухой провинции, но в сердце республики – в Москве – процветают вонючие, перенаселенные, антигигиенические рабочие казармы, куда войдешь, и кажется, будто и революции-то не было... Мы все знаем, что жилищный вопрос не поддается разрешению в несколько месяцев и даже лет, что при нашей нищете он представляет особые трудности, но факты обостряющего, нарастающего *неравенства* в положении *привилегированных*

групп населения Советской России и рядовых рабочих, «остова диктатуры» пролетариата, порождает и питает растущее недовольство.

Рабочий-массовик видит, как живет советский чиновник, «человек практики», и как живет он сам, тот, на котором держится диктатура класса... Он не может не учесть, что за все время революции всего менее уделено было внимания *жизни и здоровью рабочего в мастерской*, что где до революции существовали сколько-нибудь сносные условия, там они поддерживались фаб- и завкомами, а где их не было, где сырость, духота, вредные яды отравляли, заражали и изнуляли организм рабочего, там эти явления так и остались не устраненными... «Не до того было... Помилуйте, гражданский фронт...» И однако, чтобы отремонтировать помещение для советского органа, находились и материалы, и рабочие руки... Попробовали бы мы посадить «спецов», «людей практики» в области торговых сделок с иностранным капиталом в те конуры, в которых продолжают жить и трудиться массы пролетариев, они подняли бы такой вопль, что пришлось бы мобилизовать весь жилищно-земельный отдел для устранения недопустимой «бесхозяйственности», мешающей продуктивности работы специалистов.

Заслуги рабочей оппозиции в том, что вопрос *организации быта рабочих* со всеми будто мелочами, пустяковыми требованиями рабочих она включила в общий народнохозяйственный план. Поднятие производительных сил *не осуществимо без одновременной организации быта рабочих на новых, целесообразных, коммунистических началах*.

Чем меньше было до сих пор предпринято и намечено (я не говорю уже – осуществлено) в этой области, тем глубже *непонимание, отчуждение* и значительный рост обоюдного *недоверия* между руководящими верхами партии и широкими рабочими массами. Нет единства, нет сознания общности нужд, запросов и требований. «Верхи одно, мы другое. Может, вожди и лучше умеют управлять страной, но нашего рабочего дела, жизни мастерской, ее нужд и непосредственных задач – они не понимают и не знают». Отсюда инстинктивное доверие к союзным центрам и отшатывание от партии. «Свое-то они свои, да только попал в главк и ушел от нас... По-иному живет. Наше горе ему что? Не свое горе, стало!»

И чем больше партия наша выкачивала наиболее сознательные, преданнейшие элементы из предприятий и союзов, перебрасывая их на фронт и на работу в советских органах, тем больше порывалась непосредственная связь

широких рабочих масс с руководящими политическими центрами. Нарастала брешь, образовывалась трещина... И сейчас эта трещина дает себя чувствовать уже внутри самой партии. Рабочие через рабочую оппозицию вопрошают: кто мы? Действительно ли мы хребет классовой диктатуры или же мы безвольное стадо, быдло, которое служит подпоркой для тех, кто, оторвавшись от масс и угнездившись под надежную сень партийной вывески, творит политику и строит хозяйство без нашего руководства, без нашего классового творчества?

И как бы партийные верхи ни отмахивались от рабочей оппозиции, это та нарастающая здоровая классовая сила, которая несет особую жизненную энергию возрождения народного хозяйства и самой начинающей линять и пригибаться к земле коммунистической партии.

Итак. Три причины порождают кризис нашей партии: прежде всего, высшие, объективные условия, в которых протекает и осуществляется насаждение начал коммунизма в России (гражданская война, экономическая отсталость России, ее великая разруха после стольких лет войны); вторая причина: мешанный состав ее населения – семимиллионный пролетариат, затем крестьянство, мещанство, бывшая крупная буржуазия – дельцы всех видов и формаций, влияющих на политику советских органов и вливающих в партию. В-третьих – пассивность партии в деле непосредственного улучшения положения пролетариата при неумении, бессилии соответствующих советских учреждений поставить и разрешить эти вопросы.

Чего же хочет оппозиция? И в чем ее заслуга?

Ее заслуга в том, что она вынесла перед партией все эти наболевшие вопросы, что она оформила то, что глухо бродило в массах и что уводило беспартийные рабочие массы все дальше и дальше от партии, что она ясно и безбоязненно бросила в лицо партийным верхам: «Остановитесь, оглянитесь, призадумайтесь. Куда вы нас ведете? Не сбиваемся ли мы с классового пути? Плохо будет положение партии, если остов-то диктатуры – рабочий класс – останется сам по себе, а партия сама по себе... В этом гибель революции». Задача партии в момент настоящего кризиса – бесстрашно учать свои ошибки, насколько ни были, и прислушаться к здоровому классовому зову широких масс рабочих: *через творчество самого восходящего класса в лице производственных союзов к воссозданию и развитию производительных сил страны, к очищению самой партии от затесавшихся в нее чуждых ей*

элементов, к выправлению работы партии путем возвращения к демократизму, к свободе мнений и критике внутри партии.

О роли и задачах профсоюзов

Мы отметили в основных, хотя и беглых чертах, чем вызывается наш внутрипартийный кризис. Теперь рассмотрим, каковы главные пункты расхождения верхов нашей партии и рабочей оппозиции. Пунктов этих два: *роли и задачи профсоюзов в период воссоздания народного хозяйства и организации производства на коммунистических началах и вопрос о самостоятельности масс и бюрократизме в партии и советах.* Остановимся на первом вопросе – второй непосредственно вытекает из первого.

Период «тезисотворчества» в нашей партии по вопросу о профсоюзах закончен. Перед нами лежит шесть различных платформ, шесть партийных группировок. Такого разнообразия и «тонкости оттенков» еще не видала партия, и партийная мысль еще никогда не обогащалась таким богатым творчеством формулировок по одному и тому же вопросу. Очевидно, вопрос важный, основной.

Так оно и есть. Дело идет о том, *кому* строить коммунистическое хозяйство и как его строить. Это же суть нашей программы. Это – ее сердце. Вопрос не меньшей, если не большей важности, чем вопрос о захвате политической власти пролетариатом. Только группа демократического централизма с тов. Бубновым во главе может быть настолько близорукой, чтобы находить, будто: «Вопрос о профсоюзах в настоящий момент отнюдь не имеет ни особо крупного объективного значения, ни особой теоретической сложности».

Естественно, что он волнует партию и что по существу это вопрос о том, куда [по]вернуть колесо истории – дать ему передний или задний ход? Естественно и то, что нет такого коммуниста, который остался бы в стороне от дискуссии о роли профсоюзов. В результате – 6 различных группировок.

Но, если внимательно проглядеть все тезисы различных, тончайших по оттенкам группировок, то окажется, что по основному вопросу – кому строить коммунистическое хозяйство и организовать производство на новых началах – существует только *две точки зрения.* Одна, выраженная и запечатленная в

тезисах рабочей оппозиции, другая, объединяющая все остальные оттенки многообразных, но по сути единых платформ.³

Что проводят тезисы рабочей оппозиции и как понимает она задачу и роль профсоюзов, точнее, производственных союзов, в настоящий момент? «Мы полагаем, что вопрос о восстановлении и развитии производительных сил нашей страны возможен лишь при условии изменения *всей системы организации управления народным хозяйством*» (из докл[ада] тов. Шляпникова 30 дек[абря ? г.], курсив мой – А.К.). Заметьте, товарищи, «при условии изменения всей системы». Что это значит? «Сущность спора, – говорится дальше, – заключается в том, какими путями наша коммунистическая партия в переживаемый переходный момент будет проводить свою хозяйственную политику: через организованные в союзы рабочие массы или через их голову, бюрократическим путем, посредством канонизированных чиновников» (оттуда же). Вот именно: суть спора – будем ли мы осуществлять коммунизм через рабочих или через их головы руками советских чиновников. И пусть товарищи призадумаются: возможно ли осуществить, построить коммунистическое хозяйство и производство руками и творчеством выходцев из чужого класса, проникнутых *рутиной прошлого*? Если мы будем мыслить по-марксистски, по-научному, мы ответим себе ясно и категорически – нет. Предполагать, что «люди-практики», техники, специалисты в области налаживания капиталистического производства сумет вдруг выскочить за пределы тех обычных *приемов, взглядов и подхода* к труду, которые воспитаны в них, органически в них въелись за все их служение капиталу, и начнут созидать новые коммунистические формы хозяйства (а в нахождении этих новых форм производства, новой организации труда, новых стимулов-побудителей к труду заключена вся суть), – значит забывать неоспоримую истину, что систему хозяйства изменяют не отдельные гениальные люди, а *потребности класса*.

Вообразите себе, если б в эпоху перехода от феодально-помещичьего хозяйства, построенного на крепостном труде, к системе капиталистического производства с его якобы свободным наемным трудом в мануфактурах буржуазный класс, еще очень неопытный тогда в организации своего капиталистического хозяйства, пригласил бы себе в роли главных организаторов мануфактур наиопытнейших, юрких и умелых управителей и

³ Группа т. Игнатова и других, в вопросах строительства и возрождения партии весьма близкая к раб. Оппозиции, занимает не отчетливую позицию по вопросу о роли профсоюзов.

приказчиков, помещичьих имений, привыкших иметь дело с рабски-безвольным, крепостным трудом. Что бы получилось? Сумели ли бы эти опытные люди, спецы в своей области, воспитанные на власти кнута, поднять производительность труда «свободного», хотя и голодного пролетариата, который имел все-таки возможность уйти от грубой руки управителя мануфактуры, поступить в солдаты, стать поденщиком, бродягой, нищим, но все же уйти от постылого труда. Не развалили бы они начавшуюся складываться новую организацию труда и всю на ней построенную систему капиталистического производства? Отдельные управители крепостных крестьян, отдельные бывшие помещики, приказчики умели приспособиться к новым формам производства, но не из них вербовались истинные творцы и созидатели буржуазно-капиталистического хозяйства. Классовый инстинкт подсказывал хозяевам первых мануфактур, что лучше медленно и неумело, да своим умом, своей «сметкой» находить верный путь, определяющий взаимоотношения труда и капитала, чем позаимствовать непригодные, мертвящие приемы у устарелой, непригодной больше системы эксплуатации труда, не повышающей, а понижающей производительность. Классовое творчество верно подсказало капиталистам в эпоху первоначального капиталистического накопления, что вместо кнута приказчика и капиталиста [sic] имеется другое погоняло к труду – *соревнование, конкуренция рабочих* перед лицом безработицы, нищеты. И капиталисты, уловив этот стимул, этот побудитель к труду, сумели его использовать в интересах развития новых, буржуазно-капиталистических форм производства, сразу подняв производительность «свободного» наемного труда.

Буржуазия пять веков тому назад действовала ощупью, слепо, повинувшись лишь классовому инстинкту. Она доверяла больше своей сметке, чем опыту умелых специалистов в области организации крепостных, помещичьего хозяйства. И была права, права исторически.

Мы обладаем великим орудием, помогающим нам находить кратчайший путь к победе рабочего класса, сокращающим его крестные страдания по этому пути и утверждающим новую систему хозяйства – коммунистическую. Это орудие – материалистическое понимание истории. И вместо того, чтобы использовать его, углубить наш опыт и проверить наши искания на истории, мы готовы отбросить исторические истины и пуститься в дебри слепых экспериментов – авось... Как бы тяжело ни было наше хозяйственное

положение, до такого взрыва безнадежности нам доходить нет основания. В отчаяние могут приходить капиталистические правительства, действительно стоящие с иссякнущим творчеством капитализма в тупике, но не мы, не трудовая Россия, перед которой с октябрьской революции открываются небывалые, широкие возможности хозяйственного творчества, образование невиданных еще форм производства с неслыханно высокой продуктивностью труда. Но надо научиться брать не из прошлого, а давать простор творчеству будущего.

Это и делает рабочая организация. Кто может явиться творцом, создателем коммунистического хозяйства? Тот класс (а не отдельные гениальные выходцы прошлого), который органически связан с новообразующимися, мучительно перерождающимися формами производства более продуктивной и совершенной системы хозяйства. Какой орган, рабочие ли производительные союзы или мешанный, чиновничий по составу хозяйственно-советский аппарат, может выявить, провести в дело творческие задатки в области новоорганизации хозяйства и производства? Рабочая оппозиция считает, что первый, т. е. рабочий, производственный, а не чиновничье-бюрократический и социально мешанный коллектив с сильным привкусом «дельцов» и «строителей» старого капиталистического закала, ум которых засорен мусором капиталистической рутины.

«Рабочие союзы от современного пассивного содействия органам народного хозяйства должны быть вовлечены к активному и индивидуальному участию в управлении всем народным хозяйством» (тезисы раб[очей] опп[озиции]). Искать, находить и творить новые, более совершенные формы хозяйства, нащупывать новые стимулы повышения производительности труда – могут лишь коллективы, наиболее неразрывно связанные с нарождающейся формой производства, из своего будничного опыта делая ряд практически мелких на первый взгляд, но теоретически высокоценных умозаключений в области подхода к трудовой рабочей силе в новом трудовом государстве, где погонялом труда перестала быть безысходная нужда, безработица и конкуренция на трудовом рынке.

Найти стимул, повод к труду – величайшая задача рабочего класса на пороге к коммунизму. Не кто иной, кроме самого рабочего класса в лице его классового коллектива, не в силах одолеть эту задачу.

Задача производственных союзов дает простор практическому опыту, классовой сметке в налаживании и нащупывании новых форм производства и организаторским способностям пролетариата, т. е. того класса, который один только может стать творцом коммунизма.

Так подходит к делу рабочая оппозиция. Так понимает она задачи профсоюзов. Отсюда один из важнейших пунктов ее тезисов: «Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные и производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством Республики» (тез[исы] раб[очей] оппозиции). Этим пунктом обеспечивается простор для проявления классового творчества, не сжатого и не изуродованного бюрократическим аппаратом, пропитанным духом и рутинной буржуазно-капиталистической системы управления народным хозяйством. Рабочая оппозиция доверяет силе творчества своего же класса, класса рабочих. Из этого положения и вытекает вся ее дальнейшая программа.

Но как раз на этом-то пункте и начинается расхождение рабочей оппозиции с нашими руководящими партийными верхами. *Недоверие к рабочему классу* (разумеется, не в области политической, а в области хозяйственно-творческих способностей класса) – вся суть тезисов, подписанных нашими руководящими верхами. Верхи партии не верят в то, что грубыми руками технически плохо вышколенных рабочих создадутся те основные мазки, контуры хозяйственных форм, из которых разовьется во времени стройная система коммунистического производства. И тов. Ленину, и Троцкому, и Зиновьеву, и Бухарину кажется, что производства – такая «тонкая штука», что тут нельзя без «руководителей»; раньше «воспитай» рабочих, раньше «научи их», а там, [когда] подрастут, мы уберем учителей из ВСНХ и позволим производственным союзам овладеть управлением хозяйства⁴.

Характерно, что все тезисы наших партийных верхов сходятся на одном существенном пункте: пока не давать производства и управления народным хозяйством в руки профсоюзов. Пока «погодить». Правда, точки зрения Троцкого, Ленина, Зиновьева, Бухарина расходятся по вопросу, *почему* не давать пока управления хозяйства профсоюзам, но положение о том, что пока

⁴ Невольно опять напрашивается «урок» истории. Разумеется, дворяне-помещики были много образованнее в области экономии, чем безграмотные Тит-Титычи, и, однако, Тит-Титычи со своей классовой сметкой не ставили «барина» во главе предприятия, а если и брали его в управители, чтобы

это управление должно совершаться *через головы* рабочих, посредством бюрократической, унаследованной от прошлого системы, – на этом все сходятся, в этом все товарищи в верхах партии трогательно солидарны. «Центр тяжести работы профсоюзов в настоящий момент, – говорится в «тезисах 10-ти», – должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профсоюзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя *главную работу* по организации производства» (курсив мой – А.К.). «*Главную работу*» – это растяжимо, не вполне точно, дает широкую возможность толкования, но и позволяет думать, что платформа 1-ти больше даст простору профсоюзам в управлении народным хозяйством, чем центранизм т. Троцкого. Так ли это? Дальше в тезисах 10-ти разъясняется, что надо понимать под *главной работой* союзов: «Самое энергичное участие во всех центрах, регулирующих производство, организации рабочего контроля, регистрации и распределении рабочей силы, организации обмена между городом и деревней, деятельное участие в демобилизации промышленности, борьбе с саботажем, проведении всеобщей трудовой повинности и т. д.». И все. Не ново и не больше того, что до сих пор делали профсоюзы и что не спасает наше производство и не помогает двинуть основной вопрос о развитии и восстановлении производительных сил страны. Чтобы не оставить уже никаких сомнений в том, что в платформе 10-ти профсоюзам отводится не руководящая, а подсобная роль в народном хозяйстве, сказано: «В развитом виде (не сейчас, заметьте, а в развитом виде – А.К.) профсоюзы в процессе происходящей соц[иалистической] революции должны стать органами социалистической власти, работающими, как таковые, в соподчинении с другими организациями по проведению в жизнь новых начал *организации* хозяйственной жизни». Следующий вопрос идет о *соподчинении* профсоюзов ВСНХ и его органам. Какая разница со «сращиванием» т. Троцкого? Разница в методах. Тезисы 10-ти усиленно подчеркивают *воспитательный* характер союзов. В задачах профсоюзов – главным образом, в области организационно-хозяйственной и воспитательной. В вопросе о роли и задачах профсоюзов наши руководящие верхи из политиков неожиданно превращаются в «педагогов».

использовать его знания, то держали барина со всем багажом его знаний у себя в подчинении. Руководительство предприятием, фабрикой, заводом они оставили не за ним, а за собою.

Разворачивается прелюбопытный спор не о *системе управления хозяйством*, а о системе воспитания масс. В самом деле, перелистывая тезисы, стенограммы речей наших руководящих верхов, изумляешься неожиданно сказавшейся в них педагогической жилке. Каждый творец тезисов выдвигает свою наиболее совершенную систему воспитания рабочих масс. Но все эти системы «воспитания» построены на отсутствии простора для опыта, для воспитания и проявления творческих сил воспитываемого. И в этом смысле, как педагоги, наши верхи отстали от времени.

Дело в том, что задачу профсоюзов тт. Ленин, Троцкий, Бухарин и другие сводят не к управлению хозяйством, не к овладению производством, а к *средству воспитания масс*. В дискуссиях некоторым товарищам казалось, что тов. Троцкий стоит за «огосударствление союзов» – не сразу, но постепенно, но все же признать за профсоюзами задачу управления народным хозяйством, как и сказано в нашей программе, и этот пункт как будто сближал Троцкого с оппозицией, в то время как группа тт. Ленина-Зиновьева, отрицая «огосударствление», центр деятельности профсоюзов и их задачи видят в «школе коммунизма». «Профсоюзы, – громит (Зиновьева) Троцкий, – нужны для черновой обработки» (стр. 22 докл[ада] 30 дек[абря]). Сам Троцкий как будто иначе понимает задачи союзов; по его мнению, основная работа союзов – это организация производства. В этом он глубоко прав. Прав т. Троцкий и тогда, когда говорит: «Поскольку союзы – школы коммунизма, они становятся такими школами не в смысле общей коммунистической пропаганды в союзах (ибо при таком подходе к делу союзы играли бы просто роль клубов) и не в смысле мобилизации членов союза для продовольственной и военной работы, а в смысле *всестороннего воспитания их членов на почве их участия в производстве*» (докл[ад] Троцкого 30 дек[абря]). Все это неоспоримые истины. Но упущено лишь одно: союзы не только *школы «коммунизма»*, но и *творцы коммунизма*.

Творчество класса упущено. Его подменяет т. Троцкий тем, что «действительными организаторами производства» внутри союза являются «руководящие в союзах коммунисты» (из доклада т. Троцкого от 30 дек[абря]). Какие коммунисты? По Троцкому (тезисы первой формации [sic]) – назначением тех, кого партия по ряду соображений, часто ничего общего с хозяйственными и производственными задачами союза не имеющих, посылает и ставит на данный союзный или хозяйственный пост. Т. Троцкий откровенен.

Он не верит в подготовительность рабочей массы творить коммунизм и в муках искать, ошибаться, но созидать новые формы производства. Он и это высказал открыто и прямо. Он провел свою систему «палочного воспитания» масс и подготовки их к роли «хозяина» в цектрране, переняв приемы обучения масс в ремесленных мастерских. Правда, после битья по голове колодкой ученик, ставши мастером, доведет дело своей забитостью до захирения, но зато, пока над ним палка хозяина-учителя, он – ничего себе, работает, производит.

В этом-то, по мнению т. Троцкого, и есть перенесение центра вопроса с «политики на производственные задачи». Поднять, пусть временно, производительность какими угодно мерами – в этом вся суть, вся задача. К этому должна сводиться учеба в профсоюзах по т. Троцкому.

Т. Ленин и Зиновьев с этим не согласны. Они «педагоги» более «современного толка». «Много раз говорилось о том, что профсоюзы являются школами коммунизма. Что это значит – школа коммунизма? Если серьезно брать это определение – это значит, что в школе коммунизма надо прежде всего учить и воспитывать, а не *командовать* (аплодисменты). Камешек в огород (Троцкого), и тов. Зиновьев добавляет: “Профсоюзы... выполняют огромную работу в пролетарском, а потом и чисто коммунистическом духе. Это *основная* (курсив мой – А.К.) роль профсоюзов”. Теперь у нас начинают это основательно забывать, когда думают, что с профдвижением, с этой самой широкой рабочей организацией, можно обращаться слишком неосторожно, слишком грубо, слишком дубовато. Надо помнить, что у этой организации есть особые задачи: не непосредственное командование, не начальствование, не диктаторство, а задачи, которые прежде всего сводятся к вовлечению миллионных масс в русло организованного пролетарского движения»...

Итак, педагог т. Троцкий пересолил, переусердствовал в своей системе воспитания. Но что же предлагает сам тов. Зиновьев? Давать в рамках союзов первоначальные уроки коммунизма, «учить их (массы) первоначальным основам пролетарского движения». Как? На живом практическом опыте, в практическом творчестве новых форм хозяйства (то, чего хочет оппозиция)? Ничего подобного! Группа Ленина-Зиновьева стоит за систему воспитания «прописями» и моральными поучениями, хорошо подобранными примерами. У нас полмиллиона коммунистов (из них, к сожалению, много «чужих», пришельцев из иного мира) на 7 мил. рабочих. Партия, по словам т. Ленина,

вобрала в себя «авангард пролетариата», и отборные коммунисты в тесном сотрудничестве со специалистами в советских хозяйственных органах лабораторно выискивают формы коммунистического хозяйства. Эти коммунисты, работающие под наблюдением «добрых педагогов» из ВСНХ, главков и центров, хорошие, примерные Вани и Пети – ученики-«пятерочники» при прежней 5-тибальной системе. А рабочие массы в профсоюзах должны глядеть на этих примерных Ванек и Петек и поучиться. Но рук своих к рулю управления не протягивать – рано. Не доучились...

По мнению т. Ленина, профсоюзы (т. е. рабочая, по существу, классовая организация) вовсе не творцы коммунистических форм хозяйства, а «профсоюзы создают *связь* авангарда с массами, профсоюзы повседневной работой *убеждают* массы, массы того класса»... и т. д.

Это уже не «палочная» система т. Троцкого. Не домострой. Это германская система Фребель-Песталоцци, основанная на «наглядном обучении». Профсоюзы ничего существенного не делают в хозяйстве, но они *убеждают* массы и служат связью с авангардом класса, с партией, которая (заметьте это!) тоже сама, как коллектив, не управляет, не организует производство, а создает советские хозяйственные органы мешанного состава, куда *вливают и коммунистов*...

Которая система лучше – еще вопрос. Система Троцкого, во всяком случае, отчетливее и потому реальнее. На одних «прописях» и «примерах», взятых с добродетельных Петек и Ванек, педагогики не двинешь. Это следует помнить, и помнить твердо.

Группа Бухарина занимает среднюю позицию или, вернее, пытается сочетать обе системы воспитания; заметьте, и группа т. Бухарина не признает за производственными союзами самостоятельного творчества в хозяйстве. По мнению т. Бухарина и его группы, профсоюзы «выполняют *двойную* роль (так сказано в тезисах), с одной стороны, она (очевидно, «роль») – “школа коммунизма”, посредник между партией» и беспартийной массой (это из Ленина), аппарат, вливающий широкие пролетарские низы в активную жизнь (заметьте, товарищи, а активную жизнь, а не в *творчество новых* форм хозяйства, не в нащупывание и выявление новой системы производства); а, с другой стороны, они (очевидно, союзы) – и притом в *возрастающей степени* – составная часть хозяйственного аппарата и аппарата государственной власти. Это уже из Троцкого, «сращивание».

Спор идет опять не о задачах союзов, а о методах воспитания масс через союзы. Троцкий стоит (точнее, стоял) за то, чтобы [с] помощью цектрановской системы вбивать мудрость коммунистического хозяйственного строительства в головы профессионально организованных союзов и с помощью «назначенцев», «перетряхивания» и всякого рода чудодейственных мер, «по ударной системе» так перевоспитать союзы, чтобы они слились, срастились с советскими хозяйственными аппаратами и являлись послушными проводниками хозяйственных планов, разработанных ВСНХ. Зиновьев и Ленин не спешат слить и «срастить» союзы и советские хозяйственные аппараты. Союзы, говорят они, пусть остаются союзами. Управлять производством будут нами отобранные люди. Оргбюро на это мастер. Когда в союзах воспитаются добронравные и прилежные Пети и Вани – мы их «перельем» в советские хозяйственные органы. И союзы исчезнут, растворятся.

Творчество в области хозяйства мы поручаем ВСНХ и другим советски-бюрократическим органам, а союзам оставляем роль «школы»... Таков девиз Зиновьева-Ленина. Бухарин хочет «выиграть» на радикализме в системе внутри союзного воспитания, за что и заслужил выговор со стороны т. Ленина и даже обидную «кличку» «сמידикомиста». Бухарин и его группа, подчеркивая воспитательную роль профсоюзов в современной политической обстановке, стоит за самую широкую рабочую демократию *внутри союзов*. Выборность. Только выборность и не «условные», а обязательные кандидатуры профсоюзов. Помилуйте, какой демократизм! Почти сама рабочая оппозиция. Но с маленькой оговоркой: рабочая оппозиция признает профсоюзы управителями и созидателями коммунистического хозяйства. Бухарин же, вместе с т. Троцким и Лениным, отводит им роль «школы» коммунизма и только. Почему не порадикальничать в вопросе «выборности», особенно когда знаешь, что эта выборность ни пользы, ни вреда *системе управления производством не принесет?* Ведь управление хозяйством остается *за рамками* профсоюзов, вне их, в руках советских органов... Бухарин напоминает тех педагогов, которые ведут обучение по старой системе, «по книжечкам», от сих пор, но зато поощряют «самодеятельность» учеников при выборах дежурного по классу, по столовой, по организации спектакля⁵...

Так две системы великолепно уживаются и сочетаются. А что из этого получится, на что потом годны будут воспитанники педагогов-эклектиков – это

⁵ См. тезисы группы тов. Бухарина, пункт 17.

уже вопрос иной. Если б Ан[атолию] Вас[ильевичу] Луначарскому пришлось бы на педагогических собраниях опровергать подобные «эклектические ереси» – положение Наркомпроса было бы безнадежно...

Впрочем, не следует преуменьшать воспитательных методов наших руководящих товарищей по отношению к профсоюзам. Они все, и тов. Троцкий в том числе, понимают, что в деле воспитания «самодеятельность» играет не последнюю роль. Поэтому они выискивают те области, где профсоюзы без вреда для общей, бюрократической системы управления производством могут проявить свою самодеятельность и свое *хозяйственное творчество*. Наиболее безвредной областью самодеятельности масс и «активного участия в жизни» (по Бухарину) могут проявлять профсоюзы в области *улучшения быта*. Рабочая оппозиция много отводит места улучшению быта, но рабочая оппозиция прекрасно понимает, что основная область классового творчества – это создание новых хозяйственно-производственных форм, куда организация быта входит лишь как частность. По мнению же тт. Троцкого и Зиновьева, производство налаживают и создают советские органы, профсоюзам же предлагается заняться полезным, но узеньким делом внутреннего хозяйства. Тов. Зиновьев, напр[имер], видит «хозяйственную роль» профсоюзов в распределении прозодежды или поясняет: «Нет другой более важной задачи, как хозяйственная»; «отремонтировать сейчас одну баню в Петербурге является делом в 10 раз более важным, чем прочесть 5 хороших лекций».

Что это: наивное смешение или сознательная подмена организационно-творческих задач профсоюзов в области производства и развития производительных сил узкими задачами упорядочения быта, хозяйственным распорядком? Несколько в иных выражениях, но ту же мысль мы встречаем у Троцкого. Тов. Троцкий предлагает великодушно профсоюзам проявлять самую широкую самодеятельность в области хозяйства.

Но в чем эта самодеятельность (или содействие в улучшении положения масс) сказывается? В том, чтобы «застеклить окна» в мастерской, засыпать лужу перед заводом (из речи т. Троцкого на съезде горнорабочих)... Тов. Троцкий, помилосердствуйте! Это уже не просто из области «домоуправления», и если вы сведете творчество союзов только к подобным перлам самодеятельности, то союзы станут школами не коммунизма, а учебными заведениями для управляющих зданиями... Впрочем, тов. Троцкий

расширяет область «самодеятельности масс», привлекая их не к самостоятельной организации быта на местах (так далеко заходит только «сумасбродная» рабочая оппозиция), а к восприятию уроков от ВСНХ по улучшению быта рабочих. «Когда решают вопрос о рабочих, об их питании, об экономии рабочих сил, нужно, чтобы профсоюзы *точно знали* (не участвовали сами активно в данном деле, а только *знали*) не только в общих чертах, как обыватели, а знали бы основательно всю текущую работу, которая совершается ВСНХ» (речь от 30 дек[абря]). Учителя из ВСНХ не только заставляют профсоюзы «выполнять» свои планы, но и «разъясняет ученикам» свои предписания. Шаг вперед по сравнению с системой цектранизма...

Но каждому мыслящему рабочему ясно, что, как ни полезно застеклить окна мастерской, в этом действии нет ничего общего с управлением производством. Производительные силы и их развитие остаются в этом случае ни при чем. А вопрос именно в том, как их развить. Как так построить хозяйство, сочетав новый быт с производством, чтобы сберечь наибольшую сумму трудовой энергии для производства, понизив сумму непроизводительного труда. Партия может воспитать красноармейца, политработника, вообще исполнителя уже оформившихся задач. Но партия не может воспитать строителя коммунистического хозяйства – лишь союз дает поле производственно-строительной деятельности.

Да и задача у ней не та. Задача партии – создать *условия*, т. е. простор для воспитания в широких рабочих массах, объединенных единством хозяйственно-производственных задач, рабочего-*творца* новых приемов труда, новой системы использования рабочих рук, новой группировки трудовых сил. Чтобы победить разруху, чтобы создать коммунистическое хозяйство, рабочий должен, прежде всего, в мозгу своем родить новый метод организации труда и новые приемы управления хозяйством.

Но эта простая марксистская истина не разделяется сейчас нашими верхами. Почему? Да именно потому, что в верхах больше веры в чуждый нам элемент бюрократических и технических выходцев из мира прошлого, чем в творчество, стихийно здоровое, классовое творчество рабочих. Во всякой другой области еще можно сомневаться, кому должно принадлежать руководство: рабочему ли коллективу или бюрократам, специалистам в области просвещения масс, развития науки, организации армии,

здравоохранения, но только не в области хозяйства. Тут вопрос бесспорен и ясен для всех, кто еще не забыл историю.

Каждому марксисту известно, что воссоздание производства и развитие производительных страны зависит от двух условий (факторов): от развития техники и от целесообразной организации труда умелым повышением трудовой энергии, отысканием новых побудительных причин к труду. Так было при переходе от низшей ступени развития хозяйства к высшей на всем протяжении существования человечества.

В трудовой республике развитие производительных сил [с] помощью успехов техники отстывает на второй план по сравнению со вторым фактором – целесообразной организацией труда и творчеством новой системы хозяйства. Даже если в Советской России удалось полностью провести план электрификации, не внося коренных новшеств в систему управления и организации хозяйства и производства, Россия только догнала бы в своей развитии капиталистические страны. Напротив, в вопросе о целесообразности использования трудовых сил и *созидании новой системы производства* – трудовая Россия находится в особенно благоприятных условиях, дающих ей возможность далеко опередить все буржуазно-капиталистические страны в смысле развития производительных сил. Стимул (побудительная причина к труду) безработицы в Советской России уничтожен. Открывается возможность для рабочего класса, освобожденного от ига капитала, сказать свое творческое, новое слово в области нахождения стимулов к труду и создания невиданных еще в истории человечества форм производства.

Но кто может проявить творчество, разумную сметку в этой области? Бюрократические элементы, заправители советских учреждений или производственные союзы, члены которых на опыте перегруппировки сил в мастерской набредают на творчески полезные, практические указания в области реорганизации и всего народного хозяйства?

Рабочая оппозиция отстаивает положение, что управление народным хозяйством – дело профсоюзов, и этим она мыслит более по-«марксистски», чем теоретически вышколенные верхи.

Рабочая оппозиция не настолько невежественна, чтобы не учитывать великой роли техники и технически вышколенных сил. Она вовсе не мыслит создать свой орган управления народным хозяйством, избранный на съезде производителей, и затем распустить Совнархозы, главки и центры. Нет, она

мыслит иное: подчинить эти необходимые, технически ценные центры управления своему руководству, давать им теоретические задания, использовать их так, как в свое время фабриканты и заводчики пользовались наемной силой специалистов-техников для осуществления ими намеченных и задуманных планов. «Спецы» могут внести громадный вклад в область повышения техники, могут облегчить искания класса – они нужны, необходимы, как вообще необходима и ценна сама наука и ее расцвет для каждого восходящего и борющегося класса. Но буржуазные спецы, даже с приклеенным к ним ярлыком коммунизма, бессильны и духовно немощны в деле поднятия производительных сил в государстве не капиталистическом, в деле нахождения новых приемов организации труда и отыскания новых стимулов его интенсификации. Здесь слово за классом, т. е. за его наиболее четким, рельефным выражением – за производственными союзами.

Когда на рубеже средних и новых веков класс нарождающейся буржуазии вступил в экономическую борьбу с экономически дряхлеющим классом феодалов, помещиков, он не обладал никакими техническими преимуществами перед последним. Скупщику – этому первому капиталисту – приходилось закупать товар у того же кустика, ремесленника, который [с] помощью ручных напильников, ножей и примитивных веретен создавал товар и для «своего барина», помещика, и для чужого скупщика, с которым он вступил в «свободную» трудовую сделку. Но крепостное хозяйство, дойдя в своей организации до высшей точки, перестало давать избыток, началось замедление роста производительных сил. Перед человечеством стоял вопрос: хозяйственный регресс (т. е. упадок) или же отыскание новых форм труда и, следовательно, новой системы хозяйства, которая повысила бы его производительность, раздвинула, расширила рамки производства и открыла новые возможности расцвета производительных сил.

Кто мог найти, нащупать новые пути в области реорганизации производства? Разумеется, только представители того класса, которые не были связаны рутиной прошлого, которые понимали, что резец и веретено в руках крепостного дает несравненно меньшую производительность по сравнению с тем же орудием труда, но в руках якобы свободного, т. е. наемного рабочего, за которым стоит погоняло нужда...

И нарождающийся, восходящий класс, нащупав в нем основной двигатель производительности труда, построил на нем всю сложную – и по-своему

великую – систему капиталистического производства... Техники пришли на помощь капиталистам много позднее. Основой являлась новая *система организации труда*, новое взаимоотношение труда и капитала.

То же и сейчас. Никакой специалист и техник, пропитанный рутинной прошлой системы производства, не может внести живого, обновляющего творчества в области организации труда и налаживания, создания коммунистического хозяйства. Здесь слово за рабочим коллективом. И великая заслуга оппозиции рабочей, что этот вопрос глубочайшей важности она вплотную и напрямик ставит перед партией.

Тов. Ленин считает, что коммунистическое творчество в области хозяйства мы можем проводить [с] помощью партии. Так ли это? Прежде всего, как действует партия? Она, по выражению тов. Ленина, «вбирает в себя авангард революционного пролетариата». Затем она же распыляет его по советским, хозяйственным учреждениям, отчасти возвращая его в профсоюзы (лишенные, однако, поля деятельности в области руководства и строительства народного хозяйства), и там эти вышколенные, преданные и, может быть, даже очень талантливые коммунисты-хозяйственники затушевываются, разлагаются в общей атмосфере рутины и бюрократизма, каким проникнуты аппарата, ведающие у нас «хозяйственным творчеством». Влияние этих товарищей стирается, ослабляется, творчество их глохнет.

Иное дело профсоюзы – здесь классовый *состав гуще*, подбор сил однороднее, задачи, стоящие перед коллективом – тесно слиты с непосредственными бытовыми и трудовыми интересами самих производителей, членов фаб- и завкомов, заводоуправлений и правлений союзов. Творчество, искание новых форм хозяйства, новых двигателей для поднятия интенсивности труда – может рождаться только в недрах этого естественного классового коллектива. Совершать революцию может авангард класса, создавать экономическую основу господства нового общества может только весь класс в будничной практической работе своего основного классового коллектива.

Тот, кто не верит в творчество классового коллектива – а этот коллектив всего ярче выражают профсоюзы, – тот должен поставить крест на строительстве коммунистического хозяйства. Ни тов. Крестинский, ни Преображенский, ни даже т. Ленин или Троцкий не выдвинут безошибочно черед партийный аппарат тех рабочих, которые способны найти, нащупать,

указать новые подходы к труду, к системе производства – их подскажет только практика жизни тем, кто сам производит и одновременно организует производство.

Но именно это-то простое и ясное для каждого рабочего-практика положение и упускается из виду нашими верхами. Коммунизм нельзя декретировать. Его можно лишь творить живым исканием, временами ошибками, но творчеством самого рабочего класса.

В страстных дискуссиях между верхами нашей партии и рабочей оппозицией спор идет о том, кому *доверяет наша партия* строительство коммунистического хозяйства: ВСНХ со всеми его бюрократическими разветвлениями или производственным союзам? Т. Троцкий хочет так «срастить» ВСНХ с профсоюзами, чтобы с помощью первого поглотить вторых. Т. Зиновьев и Ленин хотят так «воспитать» массы профсоюзов в духе коммунизма, чтобы безболезненно растворить союзы в тех же советских органах. Бухарин и все остальные сочинители тезисов, по существу, говорят то же самое, вариация лишь в формулировке, разница в словах. Суть одина⁶. Одна лишь рабочая оппозиция говорит иное, отстаивает классовые задачи пролетариата в самом процессе творчества и осуществления этих задач.

Руководящим хозяйственным органом в Трудреспублике в настоящий переходный момент должен быть орган, избранный производителями-рабочими. Все остальные производственно-хозяйственные советские аппараты являются проводниками хозяйственной политики этого основного хозяйственного органа трудовой республики. Все остальное – топтание на месте, говорящее о недоверии к творческим силам рабочих, недоверии, недостойном нашей партии, могуществом которой она обязана именно неиссякаемому революционно-творческому духу пролетариата.

Не будет ничего удивительного, если на съезде партии авторы различных хозяйственных платформ, за исключением рабочей оппозиции, сойдутся на взаимных уступках и компромиссах. В их спорах нет и существенных разногласий.

Лишь рабочая оппозиция не должна идти, да и не может идти на уступки. Это не значит звать «к расколу». Нет, ее задача иная. Даже в случае поражения

⁶ Не останавливаюсь на разборе остальных платформ, так как для сути спора они ничего нового не прибавляют, а между тем разбивают внимание на мелочах.

на съезде – оставаться внутри партии и шаг за шагом твердо отстаивать свою точку зрения, спасая партию и выправляя ее линию.

Еще раз кратко, чего же хочет рабочая оппозиция.

1) Создать орган управления народным хозяйством из самих производителей-рабочих.

2) Для этой цели, т. е. для перехода союзов от пассивного содействия органам народного хозяйства к активному участию, к проявлению в них творческой инициативы рабочих, рабочая оппозиция устанавливает ряд предварительных мер, *постепенность и порядок* перехода к этой задаче.

3) Передача управления отдельной отрасли промышленности в руки союзов происходит лишь тогда, когда ВЦСПС признает данный союз достаточно подготовленным.

4) По всей линии назначение на административно-хозяйственные посты не допускается без согласия союза. Все кандидаты союза обязательны. Все поставленные союзом работники – ответственны перед союзом и отзываются союзами.

5) Для проведения всего намеченного плана надо начать с укрепления низших ячеек союза, подготавливая фаб- и завкомы к управлению хозяйством.

6) путем сосредоточения в одних руках управления всем хозяйством республики (без существующей двойственности ВСНХ и ВЦСПС) *создается единство воли*, облегчающее проведение единого плана создания коммунистической системы производства. Это ли синдикализм? Не есть ли это, напротив, то, что сказано и в нашей партийной программе? И не уклоняются ли от нее, напротив, тезисы *остальных товарищей*?

О бюрократизме и самодеятельности массы

Бюрократизм или самодеятельность масс? Вот второй пункт разногласия между верхами партии и рабочей оппозицией. Вопрос о бюрократизме поставлен был, но крайне поверхностно обсужден на VIII съезде советов. Здесь, как в вопросе о роли и задачах профсоюзов, дискуссию направляют по ложному руслу. Спор и в этом пункте глубже, чем это кажется. Суть его в том, какая система управления трудовым государством в момент созидания экономической базы коммунизма обеспечивает больший простор для классового творчества: система бюрократически-государственных органов или

система широкой практической самодеятельности рабочих масс? Вопрос о системе управления – спор о двух взаимно исключающих друг друга началах: *бюрократизм или самодеятельность?* А его хотят втиснуть в рамки вопроса о способах «оживления советского аппарата»! Та же подмена предмета спора, как и в дискуссии о роли профсоюзов.

Надо ясно и определенно сказать, что полумерами, изменением взаимоотношений между главками, местными органами управления и другими такими же мелкими, несущественными нововведениями, вроде перетасовки ответственных работников или вливания партийных сил в советские аппараты, где коммунисты невольно поддаются общей системе «обюрокращения» и растворяются среди чужих по духу выходцев из буржуазии, – никакой «демократизации» и никакого оживления советских аппаратов достигнуто не будет⁷.

Дело не в этом. Каждый ребенок в Советской России знает, что задача в том, чтобы втянуть самые широкие трудовые массы рабочих, крестьян и всей трудовой мелкоты в строительство хозяйства, трудового государства и самой жизни. Задача ясная. Другими словами: *разбудить инициативу, самодеятельность масс*. Но что делается для того, чтобы поощрять, облегчать самодеятельность? Ничего. Наоборот. Мы, правда, на каждом митинге призываем рабочих и работниц: «Творите новую жизнь! Стройте! Помогайте советской власти!» Но стоит массе, группе рабочих или работниц принять к сердцу наш призыв и на практике попытаться его осуществить – как какой-нибудь из бюрократических органов, считающий себя обойденным, спешит дать рукам слишком прытким инициаторам... Каждый товарищ легко вспомнит десятки примеров, как рабочие вздумали сами организовать столовую, ясли, подвозку дров и т. д., и как каждый раз живой, непосредственный интерес к делу умирал от волокиты, от мертвечины нескончаемых бумаг, хождений по отделам, отказов, новых ходатайств и т. д. И там, где под горячую руку *своими силами* удалось бы оборудовать столовую, наладить подвозку дров или организовать ясли, получался «отказ» за неимением в центральных аппаратах предметов оборудования столовой, лошадей для подвозки дров или помещения для яслей... А сколько горечи накапливается у рабочих и работниц, когда они видят и знают, что, будь им дано право и возможность действовать, они сами наладили бы дело. Как обидно получать отказ в тех материалах, которые они уже разыскали, которыми заручились...

⁷ О бюрократизме в партии поговорим ниже.

Инициатива падает, желание делать отмирает: «Коли так – пусть сами чиновник и заботятся о нас». Получается *вреднейшее* разделение: мы, т. е. трудовой люд, а они – это советские чиновники, от которых все зависит. В этом все зло.

Но что же делают верхи нашей партии? Пытаются ли они отыскать корень зла и открыто признать, что сама система, которую мы проводили и осуществляли через советы, не только не *поощряет* самодеятельности масс, а мертвит и убивает ее? Нет, наши верхи этого не делают. Наоборот, вместо того, чтобы поискать, как поощрить инициативу масс, которая прекрасно волеется в наши гибкие советские органы при известных условиях, наши верхи вдруг становятся защитниками, рыцарями бюрократизма. Сколько товарищей вслед за т. Троцким повторяют, что «мы страдаем не от того, что усвоили дурные стороны бюрократизма, а от того, что не усвоили его хороших сторон» («Об едином хозяйственном плане», Троцкий).

Бюрократизм – прямое отрицание самодеятельности масс, а потому тот, кто принимает за основу системы управления трудреспублики принцип вовлечения масс в это управление путем поощрения самодеятельности, не может усматривать в бюрократизме ни хороших, ни дурных сторон, а должен просто и ясно отрицать эту непригодную систему.

Бюрократизм не есть явление, вызванное нашей нищетой, как уверяет тов. Зиновьев, и не отражение слепой «субординации» начальству, привнесенной из военного ведомства, как говорят другие, – явление это глубже. Оно проистекает из того же источника, который порождает нашу неустойчивую двойственную политику в отношении к профсоюзам: из растущего влияния на наши советские органы социальных групп населения, чуждых по духу не только коммунизму, но и элементарным стремлениям и задачам пролетариата. Бюрократизм – бич, просочившийся в самую глубь нашей партии и проедающий насквозь советские органы, что отмечается не только рабочей оппозицией, но признается и многими более вдумчивыми товарищами, стоящими за пределами этой группы.

Сужена инициатива не только беспартийной массы (это еще было бы понятно и логично вытекало бы из напряженной атмосферы гражданской войны), но урезана до последней степени инициатива членов партии. Каждый самостоятельный почин, даже новая мысль, не прошедшая сквозь цензуру руководящего партийного центра, рассматривается как «ересь», как нарушение партийной дисциплины, как попытка нарушить права центра, который должен все «предвидеть» и все «предписать». А не предписал – жди.

Придет время, центр удосужится, предпишет, и тогда в строго указанных рамках – можешь проявлять свою «инициативу»...

Что бы произошло, если б, например, члены РКП – любители певчих птиц вздумали организовать общество «охраны птиц»? Дело как будто полезное, приятное и, во всяком случае, не грозит нарушить «государственные планы». Но это только так кажется. Сейчас завились бы бюрократические органы, которые предъявили бы свои права на налаживание этого дела, «влили» бы общество в советский аппарат и этим умертвили бы непосредственную инициативу, а взамен того развели бы кучу циркуляров и инструкций, которые задали бы работу еще нескольким сотням чиновников и усложнили бы почту и транспорт.

Суть бюрократизма, его вред не только в канцелярской волоките, как желают убедить нас товарищи, переносящие спор на почву «оживлении советского аппарата», а в решениях всех вопросов не путем обмена мнений, не живой, непосредственной инициативой заинтересованных лиц, а путем формального разрешения вопроса «сверху» единолично или до крайности суженными коллегией, где заинтересованные лица зачастую совершенно отсутствуют. Кто-то третий решает вашу судьбу – такова суть бюрократизма.

Перед растущими страданиями рабочего класса, рожденными неурядицей нашего переходного времени, бюрократизм особенно бессилён и немощен. Чудо энтузиазма в поднятии производительных сил и улучшении быта рабочих может совершить лишь *живая инициатива заинтересованных рабочих масс, не стесняемая и не ограничиваемая на каждом шагу иерархией «разрешений» и «предписаний»*. Марксисты, большевики в частности, тем и были сильны всегда, что они не столько гнались за непосредственными, ближайшими успехами движения (эту линию преследовали оппортунисты, соглашатели), сколько стремились поставить пролетариат в такие условия, где бы создалась возможность закалить его революционную волю или развить его творческие способности. Инициатива рабочих нам необходима. Но мы ей-то и не даем простору.

Боязнь критики и свободы мысли, сплетающаяся с системой бюрократизма, доходит у нас порою до карикатурности.

А между тем, какая же самодеятельность без свободы мнений и мысли? Самодеятельность проявляется ведь не только в определенной инициативе, в работе, в действиях, но еще больше *в самостоятельной работе мысли*. Мы боимся самостоятельности масс, мы боимся дать простор классовому творчеству, мы боимся критики, мы перестали доверять массам – *вот откуда весь наш бюрократизм*. И вот

поему рабочая оппозиция и считает, что бюрократизм – наш враг, наш бич и величайшая опасность для жизненности самой коммунистической партии.

Чтобы изжить бюрократизм, угнездившийся в советских учреждениях, *надо, прежде всего, изжить бюрократизм в партии*. В этом и есть борьба «с системой». Как только партии, не в теории и не на словах, признает основой нашего управления самодеятельность масс – так советские аппараты сами, силой вещей снова превратятся в живые органы, осуществление революционно-коммунистических заданий и перестанут быть лишь аппаратами «учета», хранилищами бумаг или лабораториями мертворожденных инструкций, в которые они все больше вырождаются.

Что же надо сделать, чтобы уничтожить бюрократизм в партии, чтобы осуществить в партии «рабочую демократию»?

Прежде всего, надо понять, что наши верхи не правы, когда говорят: сейчас мы согласны несколько «распустить вожжи в партии», пока на фронтах нам не грозит острая опасность. Но как только мы почувствуем опасность, мы вернемся к «военной системе» в партии. Не правы они потому, что надо вспомнить, что геройство спасло Петроград, отстаивало не раз Луганск, другие города и целые области? Одна ли Красная Армия? Нет, Геройская самодеятельность и инициатива широких рабочих масс. Каждый товарищ вспомнить, что именно в минуту острой опасности партия всегда вызывает к самодеятельности масс, видя в ней якорь спасения. Правда, в момент опасности требуется усиление классовой и партийной дисциплины, исполнительности, точности, самоотвержения, но между этими проявлениями классового духа и «слепой субординацией», какую за последнее время развивает партия, – огромна разница.

Рабочая оппозиция, вместе с группой ответственных работников Москвы, требует во имя оздоровления партии и изгнания из нее вредного бюрократизма – проведения демократических начал не только в момент передышки, но и в случае обострения внутреннего и внешнего положения. Это первое и основное условие оздоровления партии, возвращения ее к принципам собственной программы, от которой она под давлением чуждых ей элементов все более *на практике* уклоняется.

Второе условие, за которое со всей решительностью стоит Рабочая оппозиция, – это *очистка партии* от непролетарских элементов. Чем крепче становится советская власть, тем большее количество чуждых, карьеристских, обывательских, а подчас и прямо враждебных элементов присосеживаются к партии. Чистку надо провести основательную. Причем надо исходить из того, что наиболее революционные элементы из нерабочей среды влились в партию в партию в первый период по октябрьской революции. Партия должна стать *партией рабочих*, только тогда она

сможет отражать стойко воздействие извне со стороны мелкобуржуазных элементов, крестьянства или привычных слуг капитала – спецов.

Рабочая оппозиция предлагает: перерегистрировать не рабочих, вошедших в партию после Октября, и исключить всех не рабочих, вошедших в нее после 1919 года, предоставив им право в 3-месячный срок апеллировать о приеме обратно.

Одновременно следует установить «рабочих стаж» для всех не рабочих элементов, стремящихся вернуться в партию или войти в нее, предложив каждому пробывать известный срок на физической работе, в условиях жизни и труда рабочего.

Третьим решительным шагом к демократизации партии является «орбочение всех центральных органов», другими словами, так составлять губкомы, уездкомы и ЦК партии, чтобы обеспечить в них преобладающее влияние рабочих, связанных непосредственно с массами.

В тесной связи с этим пунктом требований рабочей оппозиции находится и пункт о превращении всех наших партийных центров, начиная от ЦК партии и кончая уездкомами, из органов, руководящих мелочами повседневной советской политики, вмешивающихся в назначения, перемещения и переброску сил с чисто ведомственной точки зрения, – в *орган контроля над политикой советских аппаратов*.

Мы уже отмечали, что кризис нашей партии порождается скрещиванием трех родов тенденций различных по своему составу социальных групп – рабочего класса, крестьянства и мещанства и, наконец, остатков прежней буржуазии в лице спецов, техников и дельцов.

Задачи общегосударственного характера заставляют как местные, так и центральные советские органы, комиссариаты и даже Совнарком и ВЦИК прислушиваться, приравниваться к этим трем разнородным группам населения трудреспублики, отчего теряется устойчивость и чистота классовой линии, носителем которой в интересах революции должна остаться наша партия. Соображения «общегосударственные» начинают перевешивать интересы класса рабочего.

Для того, чтобы ЦК и парткомы стояли на стороне чистоты нашей классовой политики и призывали наши советские органы в порядке, каждый раз, когда в советской политике намечается уклон в сторону от программы (наприм[ер], по вопросу о роли и задачах профсоюзов), необходимо сократить до возможного минимума *персональное совместительство* руководящих работников и советских органах и партийных центрах. Надо помнить: Советская Россия пока еще представляет собою не однородную по экономическим интересам, а, наоборот, разнородную

социальную массу, государственной власти приходится объединять эти подчас противоречивые интересы, выбирать среднюю линию, балансировать.

Для того, чтобы ЦК нашей партии стал высшим идейным центром классовой политики, органом мысли и контроля над практической политикой советов, духовным воплощением основ нашей программы, – необходимо, особенно в ЦК, сократить до минимума совместительства членов ЦК и высших органов советской власти.

С этой целью рабочая оппозиция предлагает: для создания такого рода партийных центров, которые действительно являлись бы органами идейного контроля над советскими учреждениями и руководили бы этими последними в выдержанном классовом духе, а также для усиления внутрипартийной работы, провести повсеместно следующее: по меньшей мере, одна треть всех наличных членов партийных центров персонально не должна совмещать партийной и советской работы.

Четвертым основным требованием рабочей оппозиции является: возвращение нашей партии к *принципу выборности*.

Назначение допустимо в виде особых исключений, а оно стало «правилом». Назначенство – это характерный признак бюрократизма – стало явлением всеобщим, признанным, законным. Назначенство создает нездоровую атмосферу в партии, нарушая отношения равенства и товарищества, назначенство питает карьеризм, дает почву для кумовства и для других вредных явлений нашей партийной и советской практики. Назначенство понижает чувство ответственности лица, поставленного сверху, перед низами и углубляет пропасть между «верхами» и «низами».

Назначенец фактически находится вне контроля, так как верхи не в состоянии следить за его действиями, а низы лишены возможности призывать его к порядку и сменять непригодного работника. Вокруг назначенцев создается обычно атмосфера казенщины, подобострастия, заискивания, заражающая сотрудников и дискредитирующая партию. Назначенство является полным отрицанием коллегиальности в работе. Назначенство питает безответственность. Назначенство сверху должно быть упразднено и заменено выборностью по всей партийной линии. «Уполномоченными» могут быть только товарищи, выбранные в руководящие центры съездом или конференцией (например, члены ЦК, губкома, уездкома).

Наконец, необходимым условием для оздоровления партии и для изживания бюрократизма внутри партии – это вернуться к тому положению вещей, когда все основные вопросы партийной жизни и советской политики раньше обсуждаются низами, а затем уже суммируются верхами. Так было во времена подполья, так было даже в момент заключения Брестского мира.

Но так не бывает теперь. Несмотря на широкообещательные обещания, принятые Всеросс[ийской] сентябрьской партийной конференцией, такой серьезный вопрос, как концессия, свалился как снег на голову массам.

И только вследствие обострения внутри самих верхов вопроса о задачах профсоюзов пункт этот вынесен был на широкую арену дискуссий.

Широкая гласность, свобода мнений, свобода дискуссий, право критики внутри партии и среди членов производственных союзов – таков решительный шаг к упразднению системы бюрократизма.

Свобода критики, обеспечение за течениями права свободных выступлений на партийных собраниях, право дискуссий – сейчас уже перестало быть требованием одной рабочей оппозиции. Под растущим давлением масс целый ряд мероприятий, на которые указывали низы еще до Всероссийской конференции, теперь стали официально признанными истинами. Стоит почитать платформу МК по партийному строительству, заготовленную к съезду, чтобы сказать: оппозиция может гордиться своим растущим влиянием. Не будь ее, разве можно было бы ожидать подобного «полевения» от МК? И все же нельзя переоценивать это «полевение», пока оно является лишь декларацией к съезду. Как бы не случилось с этой платформой того, что за эти годы неоднократно совершается с постановлениями наших верхов: на съездах и конференциях под свежим напором низов они принимают самые радикальные решения, но пройдет съезд, жизнь входит в свою колею, и решение остается забытым пожеланием...

Разве не так было с постановлением VIII съезда о чистке партии от «примазавшихся» элементов? О большей разборчивости при приеме в партию не рабочих? А что стало с постановлением партийной конференции 20 г. о замене назначенства рекомендациями? Не устранены неравенства внутри партии, несмотря на неоднократные постановления с этой области. Что касается преследований товарищей, имеющих «особое мнение», не согласное с предписанием сверху, то оно фактически не устранено... Таких примеров можно насчитать много. Но если эти решения не проводятся, значит, надо устранить основную причину, мешающую их осуществлению, т. е. убрать из партии тех, кому *не выгодна гласность, строгая ответственность перед низами и свобода критики*. Не выгодно же это либо не рабочим элементам в партии, либо рабочих с обуржуазившейся психологией под влиянием этих же элементов. Мало очистить партию от не рабочих элементов перерегистрацией, усилением контроля при приеме и т. д., надо еще суметь *открыть* широкий доступ рабочим в партию. Надо облегчить вступление рабочих в партию,

надо в самой партии создать более *товарищескую атмосферу*, чтобы рабочий чувствовал себя в ней дома, чтобы в ответственного работнике партии он видел не начальство, а более опытного товарища, готового поделиться с ним знаниями, опытом, готового отнестись внимательно к его нуждам и запросам. Скольких товарищей, особенно молодых рабочих, мы отталкиваем от партии тем, что проявляем к ним нетерпимость, требовательность, взыскательность вместо того, чтобы вдумчиво направлять, перевоспитывать их постепенно в духе коммунизма.

В нашей партии вместе с духом бюрократизма воцарилась казенщина, официальщина. Товарищество – есть только еще в низах.

Задача партийного съезда – учесть и этот неблагоприятный факт и понять, почему рабочая оппозиция настаивает на большем равенстве, на уничтожении привилегий в партии, на укреплении *ответственности* каждого работника перед посланными и выбравшими его низами.

Итак, в борьбе за укрепление демократизма в партии и упразднение бюрократизма рабочая оппозиция проводит три основных принципа:

- 1) выборность по всей линии, с упразднением «назначенства» и уполномоченных, при усилении ответственности перед низами;
- 2) установление гласности внутри партии (как в отношении общих вопросов, так и при установлении личных характеристик), прислушивание к голосу низов (широкое обсуждение вопросов по низам и затем суммирование мнения низов верхами, присутствие любого члена партии на заседаниях партийных центров, за исключением особо секретных дел), обеспечение свободы критики и мнений (права не только свободных дискуссий, но и права на материальную субсидию для издания литературы внутри партийных течений);
- 3) «орабочивание» всей партии и сокращение персонального совместительства в руководящих партийных и советских органах.

Это последнее требование особенно важно и существенно еще и потому, что не следует забывать: наша партия не только должна уже строить коммунизм, но обязана готовить массы, воспитывать их к длительному, быть может, периоду борьбы с мировым капитализмом, который может принять самые неожиданные и новые формы. Было бы слишком наивно воображать, что, отразив нападение белогвардейщины и империализма на красных военных фронтах, мы можем не опасаться натиска мирового капитала и его стремления овладеть Советской Россией другими обходными путями, проникнуть в нашу жизнь, использовать Трудреспублику в интересах капитализма.

Тут-то и надо «смотреть в оба», тут-то задача партии – встретить врага во всеоружии, собирать пролетарские силы вокруг отчетливо классовых задач (другие группы населения будут лнуть к капитализму). Готовиться к этой новой странице нашей революционной истории – обязанность наших руководящих партийных верхов.

Самое правильное решение вопроса будет, если нам удастся тесно связать партию по всей линии не только с советскими органами, но и с *профсоюзами*. Здесь персональное совместительство не только не грозит уклону политики партии от чистоты партийной линии, а, наоборот, придает партии в наступающую эпоху классовую устойчивость против влияний мирового капитализма (через торговые договоры и концессии). «Обработать» ЦК – значит создать такой ЦК, где представители низов, спаянные с массами, перестали бы играть роль «парадных генералов» на купеческой свадьбе, а в самом деле будут неразрывно связаны с широкими беспартийными рабочими массами в профсоюзах и сумеют учесть, суммировать лозунги момента, нужды, стремления класса и направляли бы политику партии по классовой линии.

Такова линия рабочей оппозиции. Такова ее историческая задача. И как бы пренебрежительно ни отмахивались от нее верхи нашей партии – оппозиция рабочая единственная живая, действенная сила, с которой партии нашей приходится считаться, и с которой она считаться будет.

Историческая потребность оппозиции

Теперь остается ответить: нужна ли оппозиция? Надо ли в интересах мирового освобождения пролетариата от ига капитализма приветствовать ее образование, или это явление нежелательное, понижающее боевую энергию партии, разлагающее ее ряды?

Всякий товарищ, который заранее не предубежден против оппозиции и захочет беспристрастно подойти к вопросу и своим умом, не по указке признанных авторитетов, разобраться в вопросе, – убедится их этих беглых заметок, что оппозиция нужна и полезна. Она полезна прежде всего потому, что нарушила спячку мысли. За эти годы революции мы так отвлечены были делом, практическим делом, что совершенно перестали оценивать наши же шаги с принципиально-теоретической точки зрения. Мы забывали, что не только в период борьбы за завоевание власти пролетариат может наделать крупных ошибок и свернуть в болото оппортунизма, приспособленчества. Но что и в эпоху диктатуры пролетариата эти ошибки возможны,

особенно когда кругом бушуют волны империализма, и советской республике приходится действовать в капиталистическом окружении. Тут надо быть не только мудрыми «государственными» политиками, но и уметь вести партию, а следовательно, и весь рабочий класс по линии классовой *непримиримости* и *классового творчества*, все время подготавливая класс к длительной борьбе с новыми формами овладения советской республике буржуазными влияниями со стороны мирового капитализма. «Быть начеку», «быть классово четким» – таков, более, чем когда-либо, сейчас должен быть лозунг нашей партии.

Рабочая оппозиция поставила эти вопросы в порядок дня – в этом ее историческая заслуга. Мысль зашевелилась. Начался анализ сделанного. Началась критика. А где есть критика, анализ, где работает, шевелится и ищет мысль, там есть творчество, жизнь, а значит, движение вперед, в будущее. Ничего не страшнее и вреднее косности мысли, шаблона рутины... А мы начали впадать в рутину, и, не проявив себя оппозиция (а проявилась она, еще далеко не созрев), мы могли бы незаметно для себя съехать в сторону от классовой прямой дороги к коммунизму и сами бы этого не заметили. А наши враги, от радости потирая руки, хихикали бы, и меньшевики бочком бы к нам подскакивали, злорадно указывая наши растущие «уклоны». Теперь это уже невозможно. Съезду, а значит, и партии придется считаться с точкой зрения рабочей оппозиции и, если не сойтись с нею на компромиссе, то, во всяком случае, сделать ряд существенных уступок под ее давлением, под ее влиянием.

Вторая заслуга рабочей оппозиции – это то, что она поставила на обсуждение вопрос о том, кто же, в конце концов, призван творить новые формы хозяйства – техники, деловые люди, связанные всей своей психологией с прошлым, советские чиновники с вкрапленными в них единицами идейных коммунистов или классовый рабочий коллектив, какими являются профсоюзы.

Рабочая оппозиция сказала то, что еще написано было в «Ком[мунистическом] манифесте» Карла Маркса и Энгельса и что служит основой нашей программы, а именно, что строительство коммунизма может и будет делом только самих рабочих масс. Творчество коммунизма – принадлежит рабочим.

Наконец, рабочая оппозиция подняла свой голос против бюрократизма и осмелилась сказать, что бюрократизм связывает крылья самодеятельности и творчеству рабочего класса, что он мертвит мысль, задерживает хозяйственную инициативу и опыт в нахождении новых приемов производства, одним словом, беднит творчество новых форм производства и жизни. Вместо бюрократизма как системы – систему самодеятельности трудовых масс. И в этой вопросе партийные верхи уже

сейчас пошли на уступки, на «признание» уклонов партии во вред коммунизму и в ущерб интересам рабочего класса (осуждение цектранизма). На съезде в этой области будет, разумеется, сделан еще ряд уступок рабочей оппозиции, таким образом, несмотря на то, что рабочая оппозиция выявилась, как внутрипартийная группировка, всего несколько месяцев тому назад, она уже сделала свое дело, она уже встряхнула мысль, вывела ее из застоя и заставила руководящие партийные центры прислушаться к здоровому голосу рабочих, пролетарских коллективов.

Как бы сейчас партийные верхи ни гневались на рабочую оппозицию, за ней историческое будущее. Так как мы верим в жизненную силу нашей партии, то мы знаем, что после некоторого упорства, колебаний и зигзагообразных политических ходов наша партия все же вступит на тот путь, который стихийно классово прокладывают плечом к плечу классово организованные пролетарии. Раскола не будет. Если и отпадут от партии отдельные группы, то, во всяком случае, не те, кто стоит в рядах рабочей оппозиции. Отпадут лишь те, кто вздумает возвести в принцип временные вынужденные отклонения от общего духа коммунистической программы, вызванные острой гражданской борьбой, и будут за них держаться, как за суть нашей политической линии.

Но вся та часть нашей партии, которая привыкла отражать классовую точку зрения растущего и расправляющего крылья гиганта-пролетариата, вберет, претворит в себя все крепкое, практически здоровое и жизненное, что приносит в наше партийное строительство рабочая оппозиция. Не даром массовик-рабочий говорит уверенно и примиряющее: «Ильич подумает, обмозгует, послушает нас да повернет партийный руль на оппозицию. Ильич еще будет с нами!»

Чем скорее партийные верхи учтут работу оппозиции и шагнут по намеченному низами пути – тем скорее изживем мы кризис партии и тем скорее мы переступим заповедный рубеж, где человечество, освобожденное от экономических, вне его лежащих законов, начнет по воле богатого научными ценностями коллектива сознательно творить историю человечества эпохи коммунизма.

1921 г.